

Золотая цепь из черниговского клада в коллекции Музея исторических драгоценностей Украины: попытка идентификации владельца

В 1958 г. в Черниговский исторический музей поступил клад из двух золотых предметов, найденный на территории загородной резиденции черниговских князей¹. Он состоял из подвески от диадемы, длиной 23 см и весом 40 г, и цепи с наконечниками в виде звериных головок. Восьмигранная цепь сплетена из тонкой золотой проволоки (Рис.1). Ее вес при длине 173 см (с наконечниками) составляет 277,29 г. В 1965 г. эти предметыполнили коллекцию Музея исторических драгоценностей Украины, где экспонируются и ныне².

Аналізу вещей из упомянутого клада в свое время была посвящена статья в журнале "Археология", написанная директором Черниговского исторического музея М. Попудренко. Она отметила, что оба предмета были изготовлены предположительно в XI–XII вв. и, судя по технике изготовления, принадлежат одному мастеру³. Исходя из места находки и VIP–уровня предметов, исследовательница сделала вывод о том, что эти украшения принадлежали представительнице княжеской семьи.

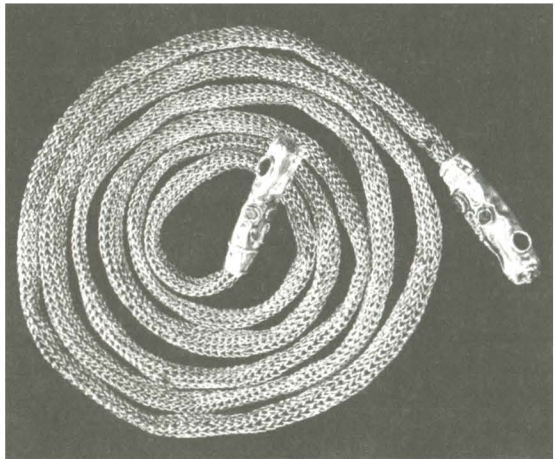

Рис.1: Золотая цепь из черниговского клада

Изделия такого типа (если говорить о цепях), как правило, были четырехгранные и изготавливались из серебряной проволоки. Наконечникам обычно придавали зооморфные черты, реже они представляют собой трубочки. На соединительное кольцо, продеваемое в отверстия наконечников, подвешивался крест, колт или серьга. Длина большинства известных экземпляров, в среднем, колеблется от 45 до 70 см, не превышая в целом 1 м. Подобные цепи логичнее всего было бы отнести к разряду украшений.

Учитывая, что любой наряд отражает социальный статус его владельца, представители правящих элит уделяли пристальное внимание каждому его компоненту. Цепи издавна использовались для украшения костюмов знати. Подобное их назначение в домонгольской Руси засвидетельствовали письменные источники, в частности, древнерусские летописи и завещания московских князей XIV–XVI вв.⁴

Исследователи также сообщают, что шейные украшения в виде цепей появились еще в IV–VI вв., главным образом, — в качестве статусных украшений или подарков византийских императоров иноплеменным вождям, инсигнирующих положение последних в Византийской империи. Отмечают, что эти изделия, в целом, отличались простотой исполнения и состояли из четырех–шести плетений⁵.

Цепь же из черниговского клада из общего массива аналогичных находок выделяется: материалом — она сделана из золота, техникой изготовления (восемь граней), а главное — размерами (173 см). Схожие по технике плетения цепи были распространены в Византии. Именно массивность и длина черниговского украшения отчетливо засвидетельствовали принадлежность его владельца к самым высоким слоям общества⁶. Эти же характеристики рассматриваемого нами объекта позволили петербургскому исследователю Ю. Шевченко высказать предположение о несколько ином функциональном его назначении — в качестве пояса, который носили с двумя свободно опущенными концами.

Использование в одежде подобных поясов–подвязок подтверждается как изображениями, в частности, святых воинов в византийской иконографии X–XII вв., так и в западноевропейском искусстве XII–XIII вв. Необходимо отметить, что как иконографическая принадлежность одежды распятого Христа, пояс встречается только в одном случае — на Распятии “Volto Santo” в соборе св. Мартина в итальянском городе Лукка. В литературе образ Христа, подпоясаного золотым поясом, присутствует в видении Иоанна Богослова, где, по мнению первого латинского комментатора Библии паннонского епископа Викторина, пояс символизирует сонм святых, припавших к Христу и его живительному вероучению⁷.

Будучи своеобразным социальным индикатором, дорогие пояса издавна стали обязательным элементом царского или княжеского одеяния. Мысль о бытовании драгоценных поясов в древнерусской княжеской среде высказал проводивший исследования руин Успенского собора Киево–Печерского монастыря Н. Холостенко. Воз-

можно, именно он впервые запараллелил два изначально отделенных друг от друга хронологически и географически предмета, сопоставив золотую цепь из черниговского клада со знаменитым “золотым поясом”, ставшим легендарной мерой при строительстве Великой лаврской церкви (Рис.2)⁸.

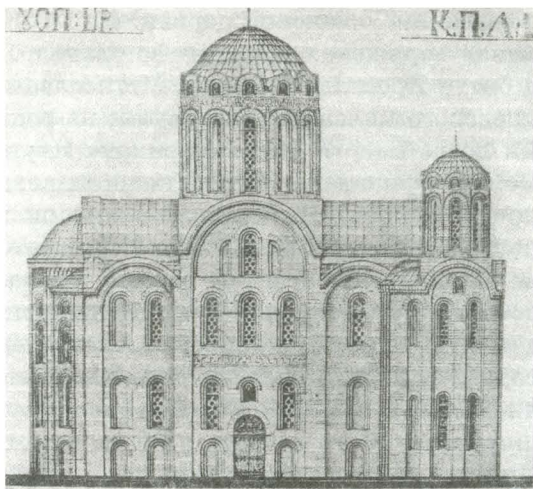

Рис.2: Великая лаврская церковь.

Напомним, что история строительства главного каменного храма Печерского монастыря дошла до нас в двух основных версиях. Первая представлена “Житием Феодосия Печерского”, созданным Нестором около 1107–1108 гг., а другая — “Словом о создании Печерской церкви”, написанным Владимиро–Суздальским епископом Симоном не ранее первой четверти XIII в.⁹ Летопись же осветила это событие крайне скупо: “Того ж лета основана бысть црковь Печерская Святославомъ княземъ сыномъ Ярославимъ игуменомъ Феодосьемъ[и] епископомъ [юрьевским] Михаиломъ. Митрополиту Георгиеви тогда сущю въ Грецехъ, а Святославу в Киеве сидящу”¹⁰.

В изложении Нестора, эта грандиозная строительная акция началась по инициативе одного из основателей Печерского монастыря прп. Феодосия в присутствии огромного количества людей. Во время выбора места для закладки будущего храма мимо случайно проезжал великий киевский князь Святослав Ярославич. Узнав о причине такого скопления народа, он не только немедленно подарил монастырю для строительства “княжее поле”, но лично участвовал в копании рва под фундаменты и “положении меры и основания” нового храма золотым поясом¹¹.

Главным героем рассказа Симона о строительстве Успенского собора стал Шимон — сын варяжского князя Африкана. Сообщение о Шимоне можно отыскать только в двух источниках — Киево–Печерском патерике и родословной легенде бояр Воронцовых–Вельяминовых, которые ведут от него свой род¹².

Именно с сообщения о приходе к Ярославу Мудрому варяга Шимона — племянника ярла Якуна — начинается Симон повествование

о создании Успенской церкви. Из ПВЛ известно, что в 1024 г. наемная варяжская дружина во главе с Якуном принимала участие в битве Ярослава с братом Мстиславом. После поражения войска киевского князя Якун вернулся на родину¹³. Через некоторое время после смерти брата Африкана Якун изгнал племянников Шимона и Фрианда из их собственных владений. Покидая вынужденно отчий кров, Шимон снял с живописного Распятия, изготовленного по заказу его покойного отца, святые реликвии — золотые пояс и венец¹⁴. Но “глас от образа” приказал ему отнести их преподобному Феодосию для будущей церкви во имя Пресвятой Богородицы. Путешествуя по морю, юноша попал в шторм, во время которого ему было видение новой церкви: “И яко же видехомъ, величествомъ и выотою, размеривъ поясомъ темъ златымъ, 20 въ ширину и 30 въ дьлину, а 30 въ высоту стены, съ верхомъ 50”¹⁵. Прибыв на Русь, варяг нанялся на службу к Ярославу, который в память о заслугах его дяди, приставил юношу к своему сыну Всеволоду.

Вскоре, по свидетельству Патерика, Шимон, во исполнение обета, передал Антонию для строительства привезенные реликвии. При этом золотой пояс должен был стать “мерой и основанием” при строительстве, а венец необходимо было подвесить над жертвенником. Вскоре Шимон, приняв православие, стал именоваться Симоном, а за щедрое пожертвование впоследствии был первым погребен в этой церкви.

На этом сведения автора Патерика о Шимоне исчерпываются. Не подвергая сомнению историчность персоны Шимона, следует, однако, обратить внимание на тот факт, что в скандинавских источниках не зафиксированы ни Шимон с Фриандом, ни их отец Африкан. А родословная легенда Воронцовых, сообщающая о приезде на Русь Шимона, существенно отличается от сведений Патерика. Хотя авторам и Патерика, и родословной известны два первых представителя рода, но их свидетельства не совпадают с летописными сведениями о деятельности Ярослава, Всеволода и Юрия Долгорукого¹⁶. Тем не менее этот, практически неизвестный хронистам древней Скандинавии и Руси, варяжский князь удостоился чести быть первым погребенным в главном храме одного из известнейших монастырей средневековой Руси. Епископ Симон пытался объяснить факт захоронения Шимона в Успенском соборе ктиторством варяга, его большой любовью к этому святому месту и его основателям, особенно Феодосию.

Однако, исходя из того, что возведение величественного Богородичного собора, ставшее знаковым событием в церковно-полити-

ческой жизни Киевской Руси, требовало серьезных финансовых вложений, а основанному относительно недавно Печерскому монастырю каменное строительство такого масштаба было явно не по карману, вполне реально предположить прямое участие в этом княжеской власти. Исходя из этого, можно предположить, что новую церковь возводили не только на подаренной Святославом земле, но и за его счет, поскольку только он в промежутке между 1073 и 1076 гг., будучи великим Киевским князем, мог реально финансировать ее строительство. Кроме того, строительство нового собора развернулось в непосредственной близости от загородного княжеского дворца на Берестове, который Святослав, вследствие непреодолимых конфликтов с братьями—триумвирами и греческой митрополией, облюбовал для своего местопребывания на период княжения.

Напомним, что после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. власть в государстве была разделена между тремя его сыновьями — Изяславом, Святославом и Всеволодом. В 1073 г. Святослав Ярославич, будучи черниговским князем, взошел на киевский престол, фактически узурпировав власть после изгнания своего старшего брата Изяслава, посаженного на киевское княжение самим Ярославом Мудрым. Следовательно, именно у Святослава, как ни у кого другого из триумвиров, была острая необходимость скорейшей легитимации своей власти. Ситуацию обострял и серьезный конфликт среднего Ярославича с греческой митрополией, размещенной в Софийском соборе, вследствие которого митрополит вынужден был удалиться в Константинополь, а сама митрополия осталась без денежного содержания до самой смерти Святослава¹⁷.

Некоторые историки небезосновательно предполагали, что следствием этого конфликта могло стать введение на Руси, по выражению агиографов, “нового обряда”, т. е. возникновения независимой от Константинополя церкви. Учитывая родственные связи Святослава (по линии германского императора), его прозападную культурную ориентацию, а также отсутствие в последней трети XI в. непреодолимых разногласий между сторонниками западного и восточного обрядов, можно предположить, что этот институт мог стать прообразом будущей церковной унии. Кстати, предполагают, что именно этот конфессиональный конфликт князя с ортодоксами, стал причиной внекиевского погребения Святослава (он первым из великих киевских князей был погребен вне столицы — в Чернигове).

Итак, Святослав нашел выход из щекотливой политической ситуации: он сел на киевское княжение не на Детинце, а в загород-

ном дворце на Берестове. По мнению М. Каргера, владение Берестовским дворцом было символом преемственности великокняжеской власти от Владимира Святославича. Таким образом, во второй половине XI в. дворец на Берестове фактически стал официальной резиденцией киевских князей¹⁸. Вполне вероятно, что именно сюда могли перенести по распоряжению Святослава и некоторые фамильные реликвии из сокровищницы Владимира Великого.

Исходя из совокупности вышеизложенных фактов и мотиваций, возникают основания считать, что и сам Богородичный храм, заложенный непосредственно Святославом Ярославичем, и монастырь при нем, расположенные на верхнем плато и отделенные оврагом от возникшего ранее пещерного монастыря, вполне реально могли иметь статус вотчинного для Святослава Ярославича, что резко диссонировало с настойчивыми уверениями летописцев и авторов Патерика в уникальности единственной основанной непосредственно монашеской общиной, а следовательно — независимой от светской власти, обители. Причем, учитывая личностные характеристики Святослава, его амбиции, — не просто традиционного родового монастыря, а возможного центра нового церковного образования.

В пользу версии об особом статусе нового киевского собора, на наш взгляд, свидетельствуют еще несколько фактов.

Прежде всего, зафиксированное Патериком Печерским размещение над алтарем венца. Подобная практика существовала и в католических, и в православных храмах. Так, в книге Константина Багрянородного “Об управлении империей” зафиксирован византийский обычай хранить царские облачения и атрибуты царской власти в соборе св.Софии в Константинополе¹⁹. Издавна главными инсигниями императора были пурпурная мантия и диадема. Их типы изменялись, однако именно эти два предмета оставались свидетельствами принадлежности к императорскому сану. Диадема из пурпурной, украшенной жемчугом повязки постепенно превратилась в металлический обруч — венец (Рис.3).

Кстати, на монетах Владимира и Ярослава киевские князья были изображены на престолах в царском одеянии и венцах, что могло свидетельствовать либо о стремлении визуально повысить собственный статус, либо о реалиях

Рис.3: Металлический обруч — венец.

политической жизни этих выдающихся деятелей средневековой Руси. Кстати, в пользу предположения об их высоком статусе могут свидетельствовать царские титулы, которые в разное время встречались в источниках применительно именно к этим историческим персонажам. А известная киевская исследовательница Н. Никитенко высказала следующую версию: учитывая происхождение жены Владимира Святославича — византийской принцессы Анны, а также отсутствие наследников византийского трона, этой чете было обещано, что их дети будут каким-то образом претендовать на императорский престол.

Интересно также отметить миниатюру знаменитого “Изборника 1073 г.”, где великий киевский князь Святослав во главе своей семьи предстает Спасителю (Рис.4). Князь одет в шапку из соболя и широкую темно-синюю мантию, отороченную золотой каймой.

Н. Кондаков обратил особое внимание на цвет мантии — темно-синий, т.е. пурпурный. В разное время пурпур проходил целый ряд оттенков: шоколадный, темно-коричневый, лиловый, темно-синий. Известно, что в Византии пурпур (во всей его колористической гамме) был исключительно императорским цветом. То есть одяжание Святослава на миниатюре из Изборника, по мнению исследователя, можно отнести к разряду облачений византийского двора²⁰.

Этот исторический экскурс был необходим для того, чтобы обрисовать церковно-политическую ситуацию на Руси в кон-

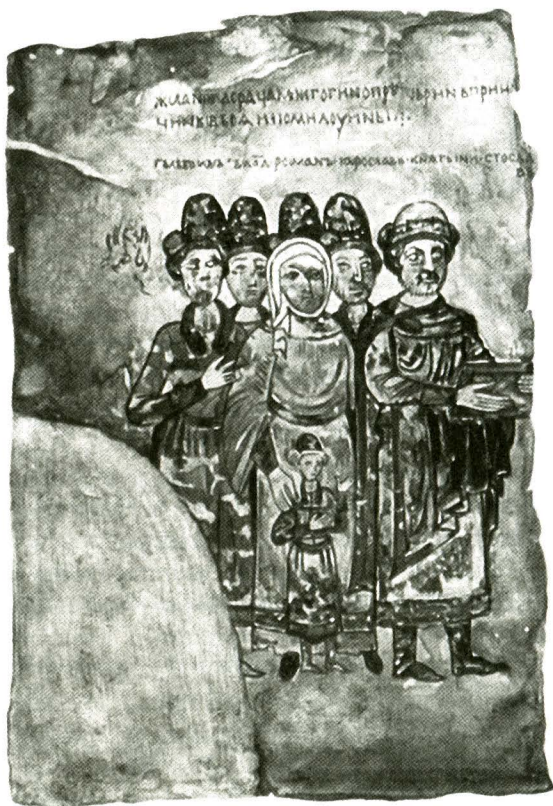

Рис.4. Княжеская семья.
“Изборник Святослава”, XI в.

це XI в., в мозаику которой довольно органично и логически вписалась черниговская находка. Во-первых, по своим характеристикам она явно выбивалась из общего ряда аналогичных изделий. И, прежде всего, своим размером. 173 см этой цепи дали основание Ю. Шевченко провести аналогию между этой цепью и известными и распространенными в средневековье ткаными иерусалимскими поясами в “меру Гроба Господня”, в частности — из Новгорода Великого, длина которых приближается к черниговскому поясу. Та же длина пояса (по “мере Гроба Господня” — “в четыре локтя”) приведена русским игуменом Даниилом в начале XII века. Исполнение таких поясов “в меру Гроба Господня” с “печатами на концах”, по мнению Шевченко, корреспондирует с печатьевидными окончаниями наконечников черниговского золотого пояса. Как предполагает исследователь, аналогии с очень ранними вещами (IV–V вв.) для наконечников черниговского пояса делают несомненным его использование уже в XI веке.

Длина же цепи, фактически совпадающая с “мерой Гроба Господня”, заставляет вернуться к вышеупомянутой гипотезе Н. В. Холостенко, сопоставившего эту реликвию с “золотым поясом”, которым Святослав Ярославич Черниговский (“Киево-Печерский патерик”), “как повелел голос с небес, услышанный на море”, собственноручно разметил планировку Успенского собора Киево-Печерского монастыря.

И последний момент, на котором хотелось бы остановиться. Согласно преданию Патерика о построении Успенского собора, золотой пояс должен был стать мерой и основанием нового храма. Что такое мера — понятно. А вот основанием в храмовом строительстве называлась закладка престола. Напомним, что престол символизирует в том числе и Гроб Господень, размеру которого практически соответствует золотая цепь из черниговского клада. Кстати размер престола Софийского собора в Новгороде, который по мнению исследователей повторяет размеры и устройство престола Успенского собора в Киеве, имеет именно такие параметры.

Находка этой реликвии в Чернигове на княжеском “Красном дворе” может быть объяснима тесными связями черниговского княжеского дома с Киево-Печерским монастырем (уход в монастырь черниговского князя прп. Николы Святоши в 1106 г. и хиротония на Черниговскую кафедру Киево-Печерского архимандрита св. Феоктиста в 1118 г.). Но более ранней и более вероятной датой попадания реликвии в Чернигов мог стать 1076 г. — год смерти и погребения в Чернигове Святослава Ярославича, семье которого долгое время принадлежал черниговский домен.

Таким образом, если сложить и проанализировать прямые и косвенные свидетельства о ситуации в Печерском монастыре, сложившейся в 60–70-х гг. XI в., можно прийти к выводу о том, что реальным владельцем знаменитой реликвии — “золотого пояса” мог быть именно Святослав Ярославич.

¹ Холостенко Н. В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1962–1963 гг. // Культура и искусство Древней Руси. Сб. ст. в честь проф. М. К. Каргера. — Л., 1967. — С.61.

² Попудренко М.А. Стародавні знахідки з Чернігова // Археологія №16 — К., 1975. — С.82.

³ Там же. — С.83.

⁴ Попудренко М. А. Указ. соч. — С.86; Мурашева В.В. Семиотический статус пояса в средневековой Руси // Труды Государственного исторического музея. Вып.82. “Средневековые древности Восточной Европы”. — М., 1993. — С.28.

⁵ Шевченко Ю. Золотой пояс — реликвия в “меру Гроба Господня” из Чернигова // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников 11 коллоквиума (8–13 апреля 2002 г.). — СПб., 2002. — С.112.

⁶ Музей історичних коштовностей України (альбом). — К., 2004. — С.409.

⁷ Мурьянов М. Ф. Золотой пояс Шимона // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. (Сборник статей в честь В. И. Лазарева). — М., 1973. — С.192–194.

⁸ Холостенко Н.В. Указ. соч. — С.61.

⁹ Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. — СПб., 1902. — С.ХХVII.

¹⁰ ПСРЛ. — Т.2. Ипатьевская летопись. — М., 1998. — Стб.173.

¹¹ Киево-Печерский Патерик. В кн. Памятники литературы Древней Руси. XII век. — М., 1980. — С. 422.

¹² Воронцов-Вельяминов С. И. Род дворян Воронцовых-Вельяминовых. — Тула, 1903. — С. 3.

¹³ Житие Феодосия Печерского. В кн. Памятники литературы Древней Руси. XII век. — М., 1978. — С. 162.

¹⁴ Мурьянов М. Ф. Указ. соч. — С.187–198.

¹⁵ Киево-Печерский патерик. — С.414.

¹⁶ Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. — М., 1975. — С.139.

¹⁷ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. — К., 1966. — С.41–45.

¹⁸ Каргер М. К. Древний Киев. — Т.1. — М. — Л., 1958. — С.274.

¹⁹ Толочко А. П. “Порты блаженных первых князей”: к вопросу о византийских политических теориях на Руси. // Южная Русь и Византия. — К., 1991. — С.35–38.

²⁰ Кондаков Н. П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. — СПб., 1906. — С.40, 91–95.